

ИСПЫТАНИЕ ЛЮБВИ

НЕ СКРОЮ, на первый концерт Вана Клиберна мы шли с особым волнением и даже некоторой тревогой. С Международным конкурсом имени Чайковского в Москве и с Клиберном у нас связано столько незабываемых впечатлений, столько живых и радостных переживаний! Каким стал за эти два года Клиберн? Найдем ли мы, распознаем ли в новом, сегодняшнем Клиберне старого юного Клиберна — вот что занимало всех. И это естественно. Ведь именно московский конкурс оказался решающим поворотным пунктом в жизни и во всей артистической судьбе Клиберна.

Теперь, когда прошли два концерта Клиберна, мы можем с радостью сказать: нет, не напрасно советские любители музыки отдали Клиберну свою любовь. И вовсе неважно, сыграл ли сейчас Клиберн то или иное сочинение удачнее или хуже. Но нам не безразлично: куда, если так можно выразиться, растет Клиберн?

Полно серьезного смысла, что первым номером своей первой программы Клиберн поставил третий концерт Сергея Прокофьева — одно из самых замечательных произведений русской советской фортепианной музыки. Затем — второй концерт Брамса. А далее целый вечер Шопена с обеими сонатами (второй и третьей). Итак, значит, Клиберн решил выступить перед москвичами обязательно в новом репертуаре. В этом было проявление и особой симпатии и уважения к советскому слушателю — и публика наша оценила это.

Кажется, Дидро принадлежат мысль, что в искусстве существуют два вида энтузиазма: энтузиазм души и энтузиазм мастерства. Поразительная сила воздействия пианизма Клиберна в том, что он умеет в своей игре слить оба эти энтузиазма.

За два года Клиберн очень повзрослел в своем искусстве. Его техника стала еще более отточенной, мастерство — более свободным, артистичным, тонким. Его трогательный светлый лиризм — более углубленным. В сердечной полнотезвучности,

юношеской непосредственности, простоте и искренности было неповторимое обаяние искусства Клиберна. Он сохранил это обаяние. Только его эмоциональная импульсивность находится сейчас больше под пристальным и контролем разума, интеллект все больше начинает забирать власть над его искусством.

Но, может быть, самое главное, что хочется отметить, это то, что Клиберн ныне, как художник, чувствует себя свободнее, смелее, самостоятельнее. Тогда, два года назад, на конкурсе в его игре порой ощущались черты некоторого, правда, озаренного гениальностью, ученичества. Конкурс имени Чайковского не мог на чуткого художника не оказать огромного, стимулирующего, ободряющего воздействия. Не мог не внушить ему веры в свои силы, удескать эти силы. После конкурса молодой музыкант почувал, что у него словно выросли орлиные крылья. И он смело и вместе с тем спокойно и уверенно, сам и по-своему ныне и составляет репертуар, и продумывает исполнительский план выбранного произведения. В прошлый раз, в 1958 году, Клиберн замечательно играл Фантазию и Третью балладу Шопена. В нынешнем концерте его трактовка этих же вещей оказалась еще более зрелой, значительной, захватывающей. Не только по мастерству, но по глубине концепции поразительными в шопеновской программе были также и соната си минор, и скерцо до диез минор.

Я вовсе не хочу сказать, что все уже достигнуто Клиберном, что решительно все исполнительские проблемы им решены, что путь пройден. Вовсе нет, путь еще только начинается. И Клиберн еще сам весь в поисках, в становлении, во внутренних борениях. Нередко его собственные желания остаются полностью не реализованными. Его планы порой до конца словно не додуманы. Первые две части си бемольной сонаты (той, что с похоронным маршем), например, были исполнены значительно менее убедительно, чем последующие. Похоронный марш был сыгран сурово и просто,

без капли ложного пафоса и истерии: душу разрывает горе, а глаза — сухи. Потрясающе была передан в последней части плач ветра над одинокой могилкой. На утренней репетиции в интерпретации концерта Прокофьева, казалось, пианист вообще упустил из виду утонченное «скифство» этой музыки, а вечером в игре Клиберна чувствовалась и железная ритмика, и властная сила, но зато чуточку не хватало поэтической одухотворенности и романтической приподнятости. В концерте Брамса с несравненным очарованием была передана светлая и певучая печаль третьей части, нежная прозрачность финала. Но могла ли с этим гармонизировать массивная, ковкая звучность, которой придерживался Клиберн в первых двух частях этого же концерта?

Отметим тут же, что прекрасными партнерами Клиберна в концертах Брамса и Прокофьева были дирижер Г. Рождественский и оркестр Московской филармонии (более удачен ансамбль был в концерте Брамса).

Две программы Клиберна оставили огромное впечатление. Еще раз мы убедились в том, что Ван Клиберн достойно носит высокое и почетное звание лауреата первой премии Международного конкурса имени Чайковского. На наших глазах Клиберн ныне вырастает в одного из выдающихся пианистов нашей современности. В прошедших концертах Клиберн, однако, не только «отчитывался» перед советскими слушателями в том, что он сделал за два года. Концерты эти оказались также проверкой дружбы, испытанием любви, которая родилась в дни конкурса в Москве между Клиберном и советской аудиторией. Это испытание на верность ныне, можно сказать, выдержали обе стороны. Впрочем, это и не удивительно. Старинная мудрость гласит: «Ты хочешь иметь друга? — Будь им!» Советские люди умеют быть верными и преданными друзьями своих друзей. Но только верных друзей. Верных и искренних.

М. СОКОЛЬСКИЙ

Интернациональная газета
г. Москва
1960